С КРЕСТОМ И МЕЧОМ

Надточий В. Д.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ:

КРАХ КРЕСТОНОСНЫХ КОРОЛЕВСТВ

18+

Владислав Надточий

Том III. Крестовые походы: крах крестоносных королевств. С крестом и мечом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Том III. Крестовые походы: крах крестоносных королевств. С крестом и мечом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Как погибли государства крестоносцев, которые почти два столетия удерживали свои владения на Востоке?Падение Константинополя, кровопролитные осады, предательство союзников, борьба за Иерусалим, могущество султана Бейбарса и трагический конец тамплиеров — перед читателем разворачивается драматическая история заката эпохи крестовых походов.Почему рыцари, побеждавшие целые армии, оказались бессильны перед новыми противниками? Как дипломатические интриги, торговые интересы и борьба за власть разрушили некогда грозные государства? И почему падение Акры в 1291 году стало поворотным моментом мировой истории?В третьем томе серии «С крестом и мечом» автор воссоздаёт события XIII — начала XIV века, раскрывая судьбы королей, полководцев, рыцарских орденов и целых народов.История великих амбиций, роковых решений и крушения мира, который казался непоколебимым.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Папа, дож и маркиз (1193–1202) 6
Глава 2. Царьград, 1204 год 14
Глава 3. Латинская Романия и дети с крестами (1204–1216) 22
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Владислав Надточий
Том III. Крестовые походы: крах крестоносных королевств. С крестом и мечом

С КРЕСТОМ И МЕЧОМ
Надточий В. Д.
ТОМ III
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ:
КРАХ КРЕСТОНОСНЫХ КОРОЛЕВСТВ

Глава 1. Папа, дож и маркиз (1193–1202)

В марте 1193 года умер Саладин — этим событием завершилось повествование второго тома. Держава, которую он собирал двадцать лет, после его смерти оказалась разделена между наследниками. Владения распределились между сыновьями султана: старший, аль-Афдаль, получил Дамаск, другой, аль-Азиз, Египет, третий, аз-Захир, Алеппо. Между братьями возникли разногласия, которыми воспользовался их дядя аль-Адиль, тот самый Сафадин, с которым так охотно вёл переговоры Ричард Львиное Сердце. Он был старше племянников, обладал большим опытом и действовал терпеливее, и к 1200 году почти вся держава снова оказалась в его руках. Европейские хронисты называли его Сафадином, в источниках он нередко оставался в тени брата, но для франкских правителей стал важным партнёром по переговорам. В отношениях с франками аль-Адиль стремился поддерживать торговлю и относительное спокойствие на побережье.

У франков за эти годы также сменились правители. Конрад Монферратский был убит в 1192 году, и королева Изабелла через несколько дней вышла замуж за графа Генриха Шампанского, племянника Ричарда Львиное Сердце и Филиппа Августа. Генрих правил пять лет, так и не короновавшись, и погиб в 1197 году, выпав из окна своего дворца в Акре. Изабелла вышла замуж в четвёртый раз, за Амори де Лузиньяна, брата Гвидо, ставшего после него правителем Кипра. Так в 1198 году Иерусалимское королевство, владения которого к тому времени ограничивались преимущественно прибрежными городами со столицей в Акре, и новое Кипрское королевство оказались под властью одного человека.

В эти годы состоялся ещё один, менее известный поход из Западной Европы. Император Генрих VI, сын Фридриха Барбароссы, при котором Ричард Львиное Сердце находился в плену, готовил новый крестовый поход. В 1197 году в Акру прибыли немецкие крестоносцы. Они взяли Сидон и Бейрут и восстановили связь между Тиром и Триполи по суше. Но в сентябре 1197 года Генрих VI внезапно умер в Мессине, и немецкие князья, узнав об этом, поспешили домой, чтобы участвовать в выборах нового короля. Другим важным событием этих лет стало оформление Тевтонского ордена. В марте 1198 года в Акре немецкий госпиталь, основанный под стенами города во время Третьего похода, был преобразован в военный орден. Так родился Тевтонский орден, о котором подробно расскажет том IV.

8 января 1198 года, в день смерти престарелого папы Целестина III, кардиналы избрали его преемником одного из самых молодых кардиналов. Лотарио деи Конти ди Сеньи было всего тридцать семь лет. Он происходил из знатного римского рода, учился богословию в Париже и праву в Болонье, прославился как проповедник и написал трактат «О презрении к миру, или О ничтожестве человеческого удела», который читали по всей Европе. Он принял имя Иннокентия III.

Иннокентий стал одним из наиболее влиятельных пап Средневековья. Он полагал, что папа как наместник Христа обладает властью, превосходящей власть земных государей. Папскую власть он сравнивал с солнцем, а королевскую — с луной, светящей отражённым светом. Он вмешивался в политические дела европейских государств: отлучал королей, вмешивался в споры о престолонаследии и принимал вассальные присяги от некоторых правителей. Одной из главных целей своего понтификата он с первых дней объявил освобождение Иерусалима.

Иннокентий рассматривал крестовый поход не только как военное предприятие. Он видел в нём общее дело Церкви, руководство которым должно было принадлежать папе. Третий поход возглавляли монархи, чьи разногласия, по мнению папы, помешали достижению главной цели. Новый поход должен был быть подчинён Риму. Уже в августе 1198 года, через полгода после избрания, Иннокентий разослал по всей Европе энциклику, в которой призывал к новому походу и назначил его начало на март следующего года. Он пообещал полное

отпущение грехов не только тем, кто пойдёт сам, но и тем, кто за свой счёт пошлёт другого. В 1199 году он сделал то, на что не решался ни один из его предшественников: обложил всё духовенство Европы особым налогом в пользу похода, сороковой частью доходов. Сам папа и кардиналы отдали десятую часть.

Иннокентий III писал и в Константинополь. В 1198 году он отправил к императору Алексею III послов с письмом, в котором требовал двух вещей: помочь новому походу и воссоединить греческую церковь с римской под властью папы. Император ответил вежливо и уклончиво. Он писал, что Иерусалим, конечно, должен быть освобождён, но что время для этого ещё не пришло, и напоминал, как прошлые крестоносцы, особенно Фридрих Барбаросса, вели себя на византийских землях. Что касается церкви, то, по его мнению, вопрос о единстве следовало решать на соборе, а не подчинением. В другом письме, уже не скрывая раздражения, Алексей заметил, что император стоит выше папы. Иннокентий ответил длинным посланием о том, что духовная власть выше светской, как солнце выше луны. Эта переписка ни к чему не привела, но она показывает, что недоверие между Римом и Константинополем существовало задолго до того, как войско крестоносцев появилось у стен византийской столицы.

Британский историк крестовых походов Джонатан Райли-Смит считал Иннокентия III одним из создателей зрелой идеи крестового похода. При нём сложились правила, которые действовали затем целое столетие: проповедь через специально назначенных проповедников, налоги на духовенство, право выкупать обет деньгами, привилегии крестоносцев, защищавшие их семьи и имущество. Крестовый поход превращался в постоянное учреждение Церкви.

Поначалу призыв папы не получил широкой поддержки европейских монархов. Ричард Львиное Сердце и Филипп Август воевали друг с другом во Франции, а в Германии шла борьба за престол между двумя королями, Филиппом Швабским и Оттоном Брауншвейгским. Ричард погиб в апреле 1199 года при осаде маленького замка в Лимузене, и война во Франции приняла новый оборот. Ни один из этих монархов не был готов возглавить поход на Восток.

Призывы к походу находили отклик не только среди знати. Одним из самых деятельных проповедников стал приходской священник из деревни Нейи-сюр-Марн под Парижем по имени Фульк. Он прославился проповедями против ростовщичества и распутства; о нём рассказывали, что он исцелял больных и что после его проповедей ростовщики возвращали проценты, а женщины, оставившие прежний образ жизни, вступали в брак. Иннокентий поручил ему проповедовать крестовый поход. Фульк объехал северную Францию, и, по словам хронистов, крест из его рук приняли десятки тысяч человек.

Сам Фульк до отплытия войска не дожил: он умер весной 1202 года. Деньги, которые он собрал на поход, отправили в Святую землю, где их употребили на восстановление стен Акры и Тира, разрушенных землетрясением. Вместе с тем сбор средств вызвал подозрения. Некоторые хронисты писали, что под конец жизни проповедник утратил прежнюю славу, поскольку возникли сомнения в расходовании пожертвований. Достоверность этих обвинений установить трудно; вместе с тем они свидетельствуют о недоверии, которое могли вызывать денежные сборы на поход.

Хронист Жоффруа де Виллардуэн, автор «Завоевания Константинополя», начинает повествование с рассказа о Фульке: «Знайте, что в 1198 году от Воплощения Господа нашего Иисуса Христа… был во Франции святой человек по имени Фульк из Нейи». Для Виллардуэна поход был делом, начатым по слову святого.

Проповедовали поход и цистерцианцы, монахи ордена, к которому принадлежал Бернард Клервоский. Об одном из них сохранились подробные сведения. Мартин, аббат цистерцианского монастыря Пайрис в Эльзасе, в 1201 году произнёс проповедь в соборе Базеля. Её текст, вернее, его литературную обработку, сохранил монах того же монастыря Гунтер, написавший потом историю похода и самого аббата. По рассказу Гунтера, Мартин говорил так, что слушатели плакали, и обещал тем, кто примет крест, не только отпущение грехов, но и богатые земли

на Востоке. Последнее обещание, если Гунтер передаёт его точно, говорит о многом: к 1200 году крестовый поход в умах многих был уже не только паломничеством, но и предприятием, сулившим выгоду.

Мартин сам принял крест и повёл отряд немцев в Венецию. После взятия Зары Мартин просил папского легата разрешить ему вернуться домой, но получил отказ и остался с войском. Дальнейшие события, однако, поставили его перед непростым выбором.

Решающее значение имело участие знати. В конце ноября 1199 года в замке Экри-сюр-Эн в Шампани граф Тибо III Шампанский устроил турнир. Тибо было двадцать два года. Он был племянником и Ричарда, и Филиппа Августа и младшим братом того самого Генриха Шампанского, который правил в Акре и упал из окна. Во время турнира Тибо и его двоюродный брат граф Людовик Блуаский приняли крест. За ними последовали многие рыцари Шампани и соседних земель. В начале 1200 года к ним присоединился граф Балдуин Фландрский, один из богатейших князей северной Европы, вместе с братом Генрихом и множеством фламандских рыцарей.

Церковь тогда запрещала турниры: на ристалищах гибли люди, а сами состязания считались проявлением гордыни. Тем не менее турниры собирали рыцарей, высоко ценивших честь, верность и воинскую доблесть. Принятие креста перед собравшейся знатью придавало этим представлениям религиозный смысл.

Среди приближённых Тибо находился автор одного из главных свидетельств о походе. Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, родился около 1150 года, участвовал в Третьем крестовом походе, был опытным воином и дипломатом. Через десять лет после описываемых событий он продиктовал на старофранцузском языке книгу «Завоевание Константинополя». Это одно из первых крупных исторических сочинений на французском языке. Виллардуэн пишет ясно, сдержанно, по-деловому, как человек, привыкший к совету баронов. Он почти не говорит о себе, хотя был в центре всех событий, и неизменно оправдывает решения вождей. На русском языке его книга вышла в 1993 году в переводе Ольги Смирновой в серии «Литературные памятники».

Иной взгляд на события оставил другой свидетель. Робер де Клари был бедным пикардийским рыцарем, вассалом одного из участников похода. Его книга, написанная около 1216 года также на старофранцузском языке, передаёт взгляд небогатого рыцаря, не участвовавшего в советах предводителей, но внимательно наблюдавшего происходившее и подробно описавшего достопримечательности Константинополя. Её перевёл на русский язык историк крестовых походов Михаил Заборов (1986). Свидетельства маршала и рядового рыцаря дополняют друг друга, а порой расходятся в оценках.

Что значило в конце XII века «принять крест»? Это был торжественный обет, который давали в церкви, обычно после проповеди. Священник благословлял матерчатый крест, и его нашивали на плечо плаща. После принятия обета человек приобретал особый правовой статус. Церковь брала под свою защиту его семью и имущество, пока он находился в походе. Его нельзя было судить по большинству гражданских дел, а уплата его долгов и процентов по ним откладывалась. За исполнение обета он получал полное отпущение грехов, но и неисполнение было тяжким грехом, за которое грозило отлучение. Выйти из обета можно было лишь с разрешения церкви, по болезни или бедности, а с начала XIII века и за деньги, которые шли на нужды похода.

Главной практической заботой крестоносца были средства на дорогу: морская экспедиция обходилась дорого. Рыцарю нужно было снарядить себя, несколько коней, оруженосцев и слуг, заплатить за проезд на корабле, за корм коней и пищу людей на долгие месяцы. По подсчётам историков, поход одного рыцаря стоил в несколько раз больше его годового дохода. Ещё в 1096 году участники Первого похода закладывали и продавали земли монастырям, чтобы собрать деньги, и через сто лет мало что изменилось. Сохранились сотни грамот, в которых

рыцари накануне отъезда продают виноградники, мельницы, права на десятину или закладывают их под заём, а заодно мирятся с соседними монастырями, отказываясь от давних тяжб, чтобы уйти в путь с чистой совестью.

Знатные вожди брали на себя и расходы своих людей. Граф Шампанский, граф Фландрский, граф Блуа должны были не только снарядить себя, но и платить рыцарям, шедшим под их знаменем, или по крайней мере кормить их. Поэтому смерть Тибо Шампанского и рассеяние его денег были для похода тяжёлым ударом. А общая сумма, которую предстояло заплатить Венеции, восемьдесят пять тысяч марок, была огромной даже для крупнейших князей. Для сравнения: выкуп за Ричарда Львиное Сердце, ради которого вся Англия несколько лет платила налоги, составил сто пятьдесят тысяч марок.

Вожди надеялись, что каждый крестоносец заплатит за себя свою долю. Но эти ожидания не оправдались. Некоторые участники не располагали средствами для длительного морского путешествия и надеялись покрыть расходы уже во время похода. Нехватка средств впоследствии существенно ограничила свободу действий предводителей похода.

Венеция, к которой обратились крестоносцы, к 1200 году стала одним из крупнейших торговых центров Средиземноморья. Поселения в лагуне разрастались по мере того, как жители материка искали здесь убежища от войн и вторжений. Город стоял на сотне островков, разделённых каналами, и не имел стен: его защищали мелководья лагуны, по которым мог пройти лишь тот, кто знал фарватеры. Жителей в нём было, вероятно, около шестидесяти или семидесяти тысяч.

Благополучие Венеции зависело от морской торговли. Её корабли ходили в Константинополь, Александрию, Акру, привозя шёлк, пряности, квасцы, хлопок, и развозили их по Италии и через Альпы по всей Европе. На государственной верфи, известной как Арсенал, строили и оснащали суда для торгового и военного флота. Специализация мастеров позволяла выполнять крупные заказы в сравнительно короткие сроки.

Во главе республики стоял дож, которого избирали пожизненно. Однако его власть ограничивали советы знати, а важнейшие решения утверждало народное собрание, как это и произошло с договором 1201 года. Венецианцы с гордостью говорили, что их государство не подчиняется ни императору, ни папе. Торговля Венеции с мусульманскими государствами вызывала критику части западноевропейских современников. В то же время без венецианских кораблей было трудно организовать крупный морской поход.

Сердцем города был собор Святого Марка, где хранились мощи евангелиста, тайно вывезенные венецианскими купцами из Александрии ещё в IX веке. Венецианцы считали святого Марка своим покровителем, и крылатый лев, его символ, стоял на их знамёнах и печатях. Именно в этом соборе, под золотыми мозаиками, Виллардуэн и другие послы стояли на коленях перед народом в 1201 году. Спустя несколько лет собор украсили трофеи, вывезенные из Константинополя.

Опыт Третьего похода показал, что путь по суше через Венгрию, Византию и Анатолию слишком долог и опасен. Войско Барбароссы понесло тяжёлые потери во время сухопутного перехода, тогда как Ричард и Филипп прибыли к Акре морем. Предводители нового похода выбрали морской путь. Собственных кораблей у них не было, и за помощью пришлось обращаться к итальянским морским республикам, прежде всего к Венеции.

В феврале 1201 года в Венецию прибыли шестеро послов от баронов, и среди них Виллардуэн. Город принял их с почётом. Дож Энрико Дандоло был человеком весьма преклонного возраста: ему было за девяносто, по крайней мере так считали современники, и он почти ничего не видел. Как он ослеп, рассказывали по-разному. Позднейшие венецианские легенды утверждали, что его ослепили греки во время посольства в Константинополь в 1172 году, но сам Дандоло, по свидетельству другого автора, говорил, что зрение он потерял от удара по

голове. Историки склоняются к тому, что слепота была следствием болезни. Как бы то ни было, Дандоло оказался одним из самых проницательных и деятельных политиков своего времени.

Переговоры заняли несколько недель и завершились соглашением. Венеция обязалась построить и снарядить корабли для перевозки четырёх тысяч пятисот рыцарей с конями, девяти тысяч оруженосцев и двадцати тысяч пеших воинов и кормить их в течение года. За это крестоносцы должны были заплатить восемьдесят пять тысяч марок серебром. Кроме того, сама Венеция «из любви к Богу» добавляла пятьдесят боевых галер при условии, что получит половину всех завоеваний. Срок отплытия назначили на конец июня 1202 года.

Выполнение договора требовало от Венеции значительных усилий. Предстояло построить или переоборудовать около двухсот кораблей, в том числе специальные суда для перевозки лошадей — юиссье. Название происходило от слова «юис» («дверь»): так называли проём в борту корабля. Рыцарских коней заводили через эту дверь прямо в трюм по сходням, после чего дверь закрывали и законопачивали, потому что при плавании она оказывалась ниже уровня воды. В трюме лошадей подвешивали на ремнях, чтобы они не падали при качке. У берега дверь снова открывали, и рыцари могли выехать из корабля прямо на сушу, уже в седле, как это и случится под Константинополем. Для Венеции весь заказ означал, что город почти на год прекращал обычную торговлю и отдавал все свои верфи и людей под нужды похода. Неуплата со стороны крестоносцев грозила республике огромными убытками. Этот расчёт, о котором легко забыть, рассказывая о вере и подвигах, во многом объясняет дальнейшее поведение дожа.

Собрание в соборе Святого Марка одобрило условия договора. Виллардуэн описывает эту сцену с большим чувством: послы, стоя на коленях и плача, просили венецианцев о помощи, и десять тысяч человек в соборе закричали в ответ «Согласны! Согласны!». Затем договор представили папе Иннокентию III, который подтвердил его, оговорив недопустимость нападений крестоносцев на христиан.

В договоре не было сказано главного: куда пойдёт флот. Но бароны, по словам Виллардуэна, договорились между собой, что поход направится в Египет, ибо «через Египет можно скорее всего завоевать Иерусалим». Египет был сердцем Айюбидской державы, источником её богатства и войск. Походы Амори в 1160-х годах и планы Ричарда во время Третьего крестового похода подсказывали, что Иерусалим вернее всего брать через Каир. Цель держали в тайне: рядовые крестоносцы мечтали о Святом Гробе, а не о дельте Нила, и было опасно говорить им, что их везут в Египет. Тем более что у Венеции были с Египтом выгодные торговые договоры, и некоторые историки подозревали позже, что дож с самого начала вёл двойную игру. Доказательств этому, впрочем, нет.

Главная слабость договора заключалась в оценке численности войска. Армия в тридцать три с половиной тысячи человек представляла собой внушительную силу. Послы рассчитывали на всех, кто принял крест во Франции, Фландрии и других землях. Но никто не мог обязать крестоносцев плыть именно из Венеции. Завышенные ожидания относительно числа участников вскоре обернулись серьёзными финансовыми трудностями.

Весной 1201 года послы вернулись домой с хорошими новостями. Но их встретила беда: граф Тибо Шампанский, признанный вождь похода, тяжело заболел. Виллардуэн рассказывает, что граф, услышав о договоре, обрадовался так, что сел на коня, хотя давно уже не выезжал, но силы его были на исходе. В мае 1201 года Тибо умер в возрасте двадцати четырёх лет. В завещании он оставил деньги на поход, разделив их между своими рыцарями, но многие из них взяли деньги и не пошли.

После смерти Тибо предводителям похода пришлось искать ему преемника. Бароны предложили возглавить поход герцогу Бургундскому, затем графу Бар-ле-Дюк, но оба отказались. Тогда выбор пал на итальянского князя, маркиза Бонифация Монферратского. Это был опытный и знатный воин, родственник многих королевских домов. Его семья была тесно свя-

зана с Востоком: старший брат Бонифация, Гильом, был первым мужем королевы Сибиллы и отцом юного Балдуина V, а другой брат, Конрад, спас Тир и стал королём Иерусалима, о чём говорилось в томе II. Ещё один брат, Ренье, был женат на дочери императора Мануила и погиб в Константинополе во время смут 1182 года. Семью Монферратов связывали с Византией давние и непростые отношения.

В августе 1201 года Бонифаций принял крест в Суассоне и стал предводителем похода. Вскоре после этого он провёл Рождество в Германии, у своего родственника Филиппа Швабского. При дворе Филиппа он, вероятно, встретил человека, которому предстояло изменить ход похода.

Для понимания дальнейших событий необходимо учитывать давние отношения Венеции с Византией. Ещё в 1082 году император Алексей I в награду за помощь против норманнов дал венецианцам невиданные привилегии: право беспошлинной торговли по всей империи и собственный квартал в Константинополе на берегу Золотого Рога. За сто лет венецианцы стали главными посредниками в торговле империи, богатели и держались, по словам греческих авторов, высокомерно, как хозяева.

Императоры пытались ограничить их силу, поддерживая соперников, пизанцев и генуэзцев. А в марте 1171 года император Мануил нанёс удар: по всей империи одновременно распорядились арестовать венецианцев, а их товары и имущество конфисковали. Говорят, в тюрьмах оказалось больше десяти тысяч человек. Венеция снарядила ответную экспедицию, однако в Эгейском море на кораблях началась эпидемия, и поход завершился неудачей. Энрико Дандоло, по-видимому, участвовал тогда в посольстве в Константинополь, пытавшемся добиться возмещения. Отношения были восстановлены лишь при преемниках Мануила, а резня латинян в 1182 году, о которой говорилось в томе II, коснулась и венецианцев, хотя главными её жертвами стали пизанцы и генуэзцы.

К концу XII века империя заметно ослабела. После гибели Андроника в 1185 году на престоле сменялись слабые правители из рода Ангелов. От империи отпали Болгария, где братья Пётр и Асень подняли восстание и создали новое Болгарское царство, и Кипр, который, как рассказывалось в томе II, Ричард отнял у местного правителя Исаака Комнина. Сербия стала почти независимой. Казна пустела. Германский император Генрих VI, наследник норманнов Сицилии, требовал от Константинополя дани, и Алексей III, чтобы собрать деньги, снимал драгоценности с императорских гробниц.

И всё же Константинополь оставался одним из крупнейших городов христианского мира. По разным оценкам, в нём проживало от двухсот до четырёхсот тысяч человек — значительно больше, чем в Париже или Венеции. В его храмах и дворцах хранились сокровища, накопленные за девять веков, и реликвии, к которым стремились паломники со всей Европы. Западным рыцарям город представлялся необычайно богатым и неприступным; он вызывал у них восхищение, зависть и недоверие. Со времён Первого похода на Западе не раз говорили, что греки предают крестоносцев, а во время Второго похода, как рассказывалось в томе II, некоторые советовали Людовику VII взять Константинополь силой. Мысль о том, что дорога в Иерусалим лежит через Константинополь, приходила в голову многим задолго до 1203 года.

В 1195 году византийский император Исаак II Ангел, о котором говорилось в томе II, был свергнут собственным братом. Новый император, Алексей III, приказал ослепить Исаака и заключил его в тюрьму вместе с сыном, тоже Алексеем, которому было тогда лет тринадцать. В 1201 году юный царевич бежал. Рассказывали, что его тайком вывезли на пизанском корабле, где он сидел, переодетый в латинское платье и остриженный по-латински. Он добрался до Италии и затем до Германии, где его сестра Ирина была замужем за королём Филиппом Швабским.

Царевич искал помощи, чтобы вернуть отцу трон. Он побывал у папы, но Иннокентий принял его холодно. Зато Филипп Швабский, его зять, и Бонифаций Монферратский, гостивший у Филиппа, отнеслись к нему иначе. Было ли уже тогда решено, что крестоносцы по пути

на Восток помогут царевичу? Историки спорят об этом уже более столетия. Одни, начиная с французского историка XIX века графа Риана, видели здесь продуманный заговор германского короля, маркиза и дожа, направленный против Византии. Другие считают, что никакого заговора не было, а поход свернул на Константинополь из-за цепи случайностей и неудач. Американские историки Дональд Квеллер и Томас Мэдден в книге «Четвёртый крестовый поход: завоевание Константинополя» (второе издание 1997 года) приводят доводы в пользу второй точки зрения. Но даже если заговора не было, мысль о Константинополе, по-видимому, носилась в воздухе задолго до того, как флот вышел из Венеции.

К лету 1202 года крестоносцы начали собираться в Венеции. Их поселили на острове Лидо, отделённом от города лагуной. Венецианцы подготовили предусмотренный договором флот. По словам Виллардуэна, его размеры и оснащение произвели на участников похода сильное впечатление. Однако крестоносцев прибыло гораздо меньше, чем рассчитывали. Одни отплыли на Восток через другие порты — в Марселе, Генуе и Фландрии, другие, приняв крест, вовсе не отправились в поход. Виллардуэн с горечью осуждает тех, кто «уклонился» от общего дела. Вместо тридцати трёх тысяч на Лидо собралось, вероятно, около двенадцати тысяч человек.

Между тем договор обязывал заплатить за перевозку всего предусмотренного войска. Бароны собрали доступные средства, отдали даже собственную серебряную посуду, но недостача всё ещё составляла тридцать четыре тысячи марок. Венецианцы потребовали уплаты долга. Всё лето крестоносцы оставались на острове и тратили последние деньги на пропитание. Многие болели. Робер де Клари пишет, что дож пригрозил не давать им ни еды, ни воды, пока не заплатят. Предводители похода не находили средств для погашения оставшегося долга.

Дандоло предложил способ выйти из положения. Город Зара на далматинском побережье Адриатики, нынешний хорватский Задар, когда-то подчинялся Венеции, а в 1180-х годах восстал и перешёл под власть венгерского короля. Если крестоносцы помогут вернуть Зару, Венеция отсрочит уплату долга до тех пор, пока его не удастся погасить из будущей добычи. Чтобы подкрепить договор, старый дож в сентябре 1202 года сам принял крест в соборе Святого Марка. Он объявил, что пойдёт в поход вместе с паломниками, а управление городом оставит сыну. Виллардуэн пишет, что многие плакали, видя, как слепой старик пришивает крест к своей шапке, чтобы все его видели. Вслед за дожем крест приняли тысячи венецианцев.

В начале октября 1202 года флот из более чем двухсот кораблей вышел из лагуны. Современники вспоминали торжественное отплытие: на мачтах развевались знамёна, на бортах висели щиты, трубили трубы, священники пели «Veni Creator Spiritus». Однако направлялся он не к берегам Египта и не к Иерусалиму, а к христианской Заре.

10 ноября 1202 года флот подошёл к Заре. Город был хорошо укреплён. Увидев под стенами крестоносцев, жители вывесили на стенах кресты, напоминая осаждавшим об общей вере. Ведь Зара принадлежала венгерскому королю Имре, который и сам принял крест и, по церковным правилам, находился под защитой папы как крестоносец. Таким образом, осада затрагивала владения правителя, находившегося под папским покровительством.

В Риме сознавали противоречие между осадой Зары и обязательствами крестоносцев. Ещё до отплытия флота папа запретил крестоносцам нападать на христианские земли, а когда узнал о планах против Зары, прислал письмо, грозившее отлучением всякому, кто примет участие в осаде. Письмо прочли в лагере. Часть крестоносцев взбунтовалась. Граф Симон де Монфор, суровый и набожный воин, о котором мы ещё не раз услышим в томе IV, объявил, что не поднимет оружия против христиан, и отвёл своих людей в сторону. Аббат цистерцианского монастыря Во-де-Серне Гвидо, встав перед собранием, громко прочёл папское запрещение. Венецианцы, по рассказу Виллардуэна, едва не убили его.

Большинство баронов всё же предпочло исполнить обязательства перед Венецией. Без венецианского флота поход был невозможен, а без уплаты долга флот не пошёл бы дальше.

Осада длилась две недели. 24 ноября Зара сдалась. Город разграбили, а добычу поделили. Через несколько дней спор о разделе добычи перерос в столкновение между французами и венецианцами. По словам Виллардуэна, участников с трудом удалось разнять. Наступала зима, и вожди решили зимовать в Заре.

Известие о взятии Зары вызвало гнев Иннокентия III. Он отлучил от церкви участников нападения, но не хотел ставить под угрозу весь поход. Когда французские бароны прислали к нему посольство с покаянием, он снял отлучение с крестоносцев, а венецианцев оставил отлучёнными. Так одним из первых плодов похода, задуманного как дело всей Церкви, стало то, что его главные участники воевали, находясь под папским отлучением.

В начале января 1203 года, когда войско ещё стояло в Заре, туда прибыли послы от Филиппа Швабского и царевича Алексея. Они изложили условия, о которых некоторые предводители, возможно, уже знали. Если крестоносцы помогут Алексею вернуть трон его отца, он заплатит им двести тысяч марок серебром, даст продовольствие всему войску, сам пойдёт с ними в Египет с десятью тысячами воинов или, если они захотят, пошлёт войско, а затем всю жизнь будет содержать на Святой земле пятьсот рыцарей. Кроме того, он обещал подчинить греческую церковь Риму.

Условия выглядели чрезвычайно выгодными. Двести тысяч марок покрыли бы долг Венеции с лихвой, а помощь Византии могла бы облегчить поход на Египет. Предводители похода — Бонифаций, Балдуин Фландрский, Людовик Блуаский, Гуго де Сен-Поль и дож — поддержали предложение. Многие рядовые крестоносцы и часть знати были против. Они напоминали, что отправились сражаться на Восток, а не против христианских государств, и что войско уже слишком далеко отклонилось от первоначального замысла. Виллардуэн признаёт, что войско разделилось и что согласились лишь немногие из баронов, но именно они решили дело. Договор подписали.

После этого решения часть участников покинула войско. Симон де Монфор и аббат Гвидо, в частности, отправились в Сирию самостоятельно, через Венгрию. Другие ушли по дороге. Позднее, когда войско стояло на Корфу, против похода на Константинополь снова поднялся ропот, и, как рассказывает Виллардуэн, вожди на коленях и со слезами умоляли недовольных не уходить, пока те не согласились остаться до Михайлова дня.

Царевич Алексей присоединился к войску в апреле 1203 года на Корфу. Ему было около двадцати лет. Судя по дальнейшим событиям, он недооценивал трудности возвращения на престол. Он уверял крестоносцев, что жители Константинополя встретят его с радостью, а узурпатор бежит, едва завидев флот. Но жители столицы не собирались поддерживать его лишь потому, что он прибыл с иностранным войском.

В мае 1203 года флот вышел с Корфу. Виллардуэн, обычно сдержанный, не может удержаться от восторга: «И день был ясный и прекрасный, и ветер мягкий и приятный, и распустили паруса по ветру. И Жоффруа, маршал Шампани, который составил эту книгу, свидетельствует, что никогда не видали столь прекрасного зрелища». Море, по его словам, было покрыто кораблями, сколько хватало глаз. Флот плыл на восток, к городу, который считали величайшим и богатейшим в христианском мире.

Глава 2. Царьград, 1204 год

23 июня 1203 года флот крестоносцев вошёл в Мраморное море и остановился у аббатства Святого Стефана, в нескольких милях от Константинополя. По словам Виллардуэна, участников похода, впервые увидевших Константинополь, поразили его богатство и величие. Они смотрели на мощные стены и башни, окружавшие город, на великолепные дворцы и церкви, которых было столько, что никто не поверил бы, не увидев своими глазами. «И знайте, что не было ни одного столь храброго человека, у которого не дрогнуло бы тело».

Константинополь поражал своими размерами. Его сухопутные стены, построенные при императоре Феодосии II в V веке, тянулись почти на шесть километров от Мраморного моря до Золотого Рога. Они образовывали тройной оборонительный пояс с рвом, внешней и внутренней стенами и почти двумя сотнями башен. Эти укрепления не раз выдерживали длительные осады. Со стороны моря город защищали более низкие стены, а вход в Золотой Рог, гавань Константинополя, перегораживала тяжёлая железная цепь, протянутая от города к башне Галаты на противоположном берегу.

Предводители надеялись обойтись без осады. Царевич Алексей уверял, что при виде законного наследника жители восстанут против узурпатора. В начале июля крестоносцы посадили Алексея на галеру и провезли вдоль морских стен, чтобы его увидели горожане. Ответом были насмешки и камни. Константинопольцы не знали этого юношу, а сопровождавшее его латинское войско вызывало у них не радость, а страх и ненависть. Стало ясно, что придётся воевать.

5 июля 1203 года крестоносцы переправились через Босфор к Галате. Рыцари с копьями в руках спрыгивали с кораблей в воду по пояс. Греческое войско, выстроившееся на берегу, отступило, не приняв боя. На следующий день крестоносцы взяли башню Галаты, а тяжёлый венецианский корабль разорвал заграждавшую вход цепь. Флот вошёл в Золотой Рог.

Союзники решили атаковать город с двух сторон. Французы и фламандцы должны были наступать с суши, у северо-западного участка стен возле Влахернского дворца, а венецианцы — со стороны Золотого Рога. 17 июля начался штурм. Атаку с суши отбили. Им противостояла варяжская стража, отборные телохранители императора, о которых говорилось в томе I. К этому времени это были в основном англичане и датчане, вооружённые длинными секирами. Виллардуэн с уважением описывает их сопротивление.

Успех пришёл с моря. Венецианцы перебросили со своих кораблей на стены мостки, подвешенные к мачтам, однако моряки медлили с высадкой. Тогда, рассказывает Виллардуэн, старый слепой дож, стоявший на носу своей галеры в полном вооружении со знаменем Святого Марка, приказал своим людям высадить его на берег, пригрозив карой, если они этого не сделают. Галера ткнулась в берег, люди дожа выскочили со знаменем, и, устыдившись, за ними бросились остальные. Венецианцы захватили двадцать пять башен. Чтобы удержаться, они подожгли дома у стен, и пожар уничтожил целый квартал.

Алексей III вывел из города большое войско и двинулся против французов. Противники выстроились друг против друга. Византийское войско значительно превосходило крестоносцев численностью, и те ожидали решающего боя. Но император так и не решился атаковать и увёл войско обратно. Ночью Алексей III, забрав казну, драгоценности и одну из дочерей, тайно покинул город. Утром придворные вывели из тюрьмы слепого Исаака II и вновь посадили его на трон. Для крестоносцев это стало неожиданностью. Цель была достигнута, но совсем не так, как задумывалось: на престоле был не их союзник, а его отец, ничего не обещавший латинянам.

Вожди потребовали, чтобы Исаак подтвердил договор сына. Виллардуэн был среди послов. Он рассказывает, что, выслушав условия, император признал, что требования очень тяжелы и он не знает, как их выполнить, но заслуги крестоносцев перед ним и его сыном столь

велики, что они заслужили бы даже всю империю. Исаак подписал договор. 1 августа 1203 года царевич Алексей был коронован в храме Святой Софии как император Алексей IV, соправитель отца.

Напряжение в Константинополе нарастало. Крестоносцы стояли лагерем у города, на другом берегу Золотого Рога, и ждали обещанных денег. Алексей IV выплатил около ста тысяч марок — приблизительно половину обещанного, но затем средства в казне иссякли. Император приказал переплавлять церковную утварь и снимать серебро с икон. Это вызвало в городе возмущение: народ и духовенство видели, как святыни идут на уплату латинянам.

Алексей IV оказался в затруднительном положении: продолжение выплат усиливало недовольство подданных, а их прекращение грозило столкновением с крестоносцами. Он попросил их остаться до весны, обещая продлить договор с Венецией за свой счёт, и вместе с Бонифацием Монферратским совершил поход по Фракии, чтобы подчинить себе провинции. Однако длительное пребывание латинян у стен столицы вызывало всё большее раздражение горожан.

В августе 1203 года в городе вспыхнул разрушительный пожар. Группа фламандцев, пизанцев и венецианцев напала на мечеть, где молились мусульманские купцы, жившие в Константинополе. Мусульмане отбивались, им на помощь пришли греки, и в схватке латиняне подожгли дома. Ветер раздул огонь. Пожар бушевал два дня и одну ночь, прошёл через весь город от Золотого Рога до Мраморного моря и уничтожил огромную часть центра, рынки, дворцы, храмы. Византийский историк Никита Хониат пишет, что сгорели целые улицы с лучшими домами города. После этого все латиняне, жившие в Константинополе, а их были тысячи, бежали к крестоносцам, опасаясь мести.

В ноябре Алексей IV прекратил платежи. В декабре дож, по рассказу Робера де Клари, встретился с ним на берегу и в последний раз потребовал денег. Когда император отказал, Дандоло крикнул ему: «Жалкий мальчишка, мы вытащили тебя из грязи и снова бросим тебя в грязь!» Военные действия возобновились. Защитники Константинополя пытались сжечь венецианский флот брандерами, пуская по ветру пылающие корабли, но венецианские моряки отводили их баграми.

В городе росло недовольство императором, зависевшим от поддержки латинян. Во главе противников Алексея IV встал вельможа Алексей Дука, прозванный Мурзуфлом, видимо, из-за сросшихся густых бровей. В январе 1204 года толпа собралась в храме Святой Софии и потребовала избрать нового императора. Испуганные сенаторы предложили корону нескольким знатным людям, и все отказались, пока её не принял малоизвестный молодой аристократ Николай Канав. Но ночью Мурзуфл, бывший протовестиарием, то есть одним из главных приближённых Алексея IV, арестовал своего государя. Николая Канава схватили и убили. 5 февраля Мурзуфл короновался как император Алексей V. Алексея IV удавили в темнице. Старый Исаак умер, по-видимому, от горя или от болезни.

После гибели Алексея IV рассчитывать на исполнение договора уже не приходилось. Новый император открыто выступал против крестоносцев. Он укрепил стены, возвёл деревянные надстройки на каменных башнях и лично возглавлял вылазки. В одной из них, в феврале 1204 года, отряд Генриха Фландрского, брата графа Балдуина, разбил императорское войско и захватил знамя правителя и чудотворную икону Богоматери, которую византийские императоры брали с собой в походы. Робер де Клари рассказывает, как эту икону потом с торжеством возили по лагерю, а затем передали цистерцианцам.

Гибель Алексея IV позволила предводителям крестоносцев представить дальнейшую войну как справедливое возмездие. Духовенство в лагере объявило, что убийство законного государя делает Мурзуфла и его сторонников преступниками, а греков, не признававших власть Римской церкви, назвали раскольниками. Епископы утверждали, что война против них справедлива и угодна Богу, и все, кто падёт в ней, получат то же отпущение грехов, что и на

пути в Иерусалим. Отлучение, наложенное папой на венецианцев, при этом просто не упоминалось.

В марте 1204 года, ещё до штурма, вожди крестоносцев и венецианцы заключили новый договор. Он определял, как будут делить город и империю после победы. Согласно договору, всю добычу надлежало собрать вместе, прежде всего погасить долг перед венецианцами, а остаток разделить поровну. Императора должны были избрать двенадцать выборщиков — по шесть от каждой стороны. Ему предназначалась четверть империи, включая два главных дворца столицы. Оставшиеся три четверти подлежали разделу между венецианцами и крестоносцами. Если император будет из французов, патриархом станет венецианец, и наоборот. Венеция, кроме того, сохраняла все свои прежние торговые привилегии, а дож освобождался от обязанности приносить императору присягу.

Союзники распределили между собой ещё не захваченный город и владения империи, границы которых многие участники соглашения представляли лишь приблизительно. Условия раздела показывают, насколько сильны были позиции Венеции: республика сумела закрепить собственные торговые и политические интересы.

9 апреля 1204 года крестоносцы атаковали морские стены со стороны Золотого Рога. Атака была отбита с большими потерями. Мурзуфл, наблюдавший за боем с холма, где стоял его алый шатёр, приказал трубить победу. После неудачного штурма в лагере крестоносцев вновь возникли споры. Некоторые предлагали отступить и плыть в Сирию. Духовенство вновь убеждало воинов в праведности похода. По рассказу Робера де Клари, в воскресенье из лагеря приказали изгнать женщин, которых проповедники обвиняли в распутстве.

12 апреля штурм возобновили. На этот раз венецианцы связали корабли попарно, чтобы на каждую башню нападали два корабля сразу. Утром дул слабый ветер, но к полудню поднялся северный ветер и прижал корабли к стенам. Два связанных корабля, «Паломник» и «Рай», ударились о башню, и венецианец и французский рыцарь первыми перебрались на неё. Башня была взята, за ней ещё несколько.

На суше тем временем действовал отряд Пьера Амьенского, где служил Робер де Клари. Воины нашли в стене заложенную калитку и стали пробивать её кирками под градом стрел, камней и кипятка. Когда в кладке образовался проход, никто не решался войти первым: за стеной стояли неприятельские воины. Тогда вперёд бросился брат Робера, клирик Алом, который, как с гордостью пишет Робер, всегда был впереди в бою. Робер схватил его за ногу, пытаясь удержать, но Алом вырвался и пролез. Греки, увидев одного-единственного латинянина с мечом, бросились врассыпную. За ним прошли остальные, открыли ворота, и в город ворвалась конница.

Мурзуфл попытался собрать войско, но его люди разбегались. С наступлением ночи он бежал из города. Крестоносцы, опасаясь засад на улицах, подожгли кварталы перед собой; начался третий за год большой пожар. Виллардуэн замечает, что за этот год в Константинополе сгорело больше домов, чем было в трёх крупнейших городах Франции. Утром 13 апреля город лежал перед завоевателями.

Разграбление Константинополя продолжалось три дня и стало одним из самых тяжёлых последствий Четвёртого крестового похода. Вожди заранее приказали сдавать всю добычу в общую казну и запретили насиловать женщин и трогать монахинь, но эти запреты нередко нарушались.

О разграблении подробно рассказал византийский историк и государственный деятель Никита Хониат. Для него падение родного города стало бедствием, сопоставимым с концом света. Он рассказывает, как воины врывались в храм Святой Софии, как разбивали драгоценный алтарь и делили его обломки, как вводили в храм мулов и ослов, чтобы вывезти утварь, и животные скользили и падали на мраморном полу, оскверняя его. Он также упоминает женщину, которая заняла патриаршее место и исполняла непристойные песни, танцуя в храме.

Хониат приводит горькое сравнение: мусульманские войска при взятии Иерусалима, по его мнению, обошлись с христианами менее жестоко. Они не насиловали жён латинян, не превратили Гроб Господень в гробницу живых, а отпустили всех за умеренный выкуп. А те, кто нёс на плечах крест, кто клялся не трогать христиан и сражаться только с противниками своей веры, поступили хуже их. В этих словах отражается пережитое византийским автором, но в главном его рассказ подтверждают и латинские авторы.

Сам Хониат спасся благодаря дружбе с венецианским купцом по имени Доменико, которого когда-то приютил в своём доме. Венецианец, надев доспехи, стоял у дверей и говорил входившим грабителям, что этот дом уже занят им. Когда стало слишком опасно, он вывел через город семью историка, в том числе маленьких детей и беременную жену. По дороге какой-то воин схватил молодую девушку из их спутниц, и Хониат, бросившись за ним, со слезами умолял проходивших латинян о помощи, и девушку удалось отбить. Беглецы вышли через Золотые ворота и добрались до Силиврии. Оглянувшись на город, Хониат, по его словам, бросился на землю и упрекал стены за то, что они одни не плачут.

Латинские хронисты пишут о разграблении сдержаннее, но не скрывают его масштабов. Виллардуэн подчёркивает огромные размеры добычи, перечисляя золото, серебро, драгоценные камни, шёлк, меха. Он также сообщает, что многие скрывали добытое от общей казны, а граф Сен-Поль приказал повесить одного своего рыцаря с щитом на шее за утайку. Небогатый рыцарь Робер де Клари отмечает, что знатные бароны забрали лучшее себе, а простым воинам досталось лишь то, что было похуже. Общая сумма, разделённая между крестоносцами и венецианцами, составила, по расчётам историков, несколько сот тысяч марок, не считая утаённого.

О настроениях рядовых участников похода позволяет судить короткий анонимный текст, написанный, по-видимому, немецким клириком и известный под названием «Опустошение Константинополя». Его автор почти не рассуждает о высоких целях, зато аккуратно отмечает, сколько платили рядовым, как делили добычу, кто уехал из войска и когда. Он недоволен вождями: по его словам, они обманывали простых паломников, присваивая лучшую часть добычи, а самих паломников раз за разом уговаривали отложить поход в Святую землю. Американский историк Альфред Андреа, переведший этот текст, считает его одним из самых честных свидетельств о походе именно потому, что его автор смотрел снизу, а не с высоты баронского совета.

Вместе с золотом из Константинополя на Запад хлынули святыни. Столица империи веками собирала реликвии со всего христианского мира, и теперь они разошлись по соборам и монастырям Европы. Епископ Гальберштадта Конрад привёз целый груз святынь, и собор этого немецкого города до сих пор хранит часть византийских сокровищ. Аббат Мартин из Пайриса, о проповеди которого говорилось в первой главе, по рассказу Гунтера ворвался в одну из церквей, схватил за ворот старика-священника и под угрозой смерти потребовал показать ему мощи, а потом, набив ими полы рясы, радостно унёс в свой монастырь. Многие святыни продавались и перепродавались. Терновый венец, хранившийся во дворце, латинские императоры позже заложили венецианцам, а в 1238 году его выкупил французский король Людовик IX, о котором подробно пойдёт речь в седьмой главе. Для этой святыни в Париже построили Сент-Шапель.

Памятники античного искусства пострадали иначе. Константинополь сохранял богатое античное наследие: на его площадях и ипподроме стояли сотни бронзовых и мраморных статуй, собранных императорами по всему древнему миру. Крестоносцы и византийские бедняки переплавляли бронзу на монеты. Хониат составил горький перечень погибших произведений. Среди них была колоссальная статуя Геракла работы великого скульптора Лисиппа, которую, по преданию, привезли из Рима; её переплавили. Часть произведений венецианцы вывезли в свой город. С ипподрома они увезли квадригу из четырёх позолоченных бронзовых коней и поставили её над входом в собор Святого Марка, где кони стояли больше пятисот лет, пока их

не увёз в Париж Наполеон. Сейчас их подлинники хранятся в музее собора, а на фасаде стоят копии. Там же, на углу собора, можно увидеть порфировую группу четырёх обнимающихся императоров, тетрархов, у одного из которых недостаёт ступни. Отбитую ступню нашли при раскопках в Стамбуле, и она хранится в археологическом музее этого города.

После падения столицы Алексей III и Алексей V Мурзуфл встретились вновь. Алексей III, бежавший в июле 1203 года, скитался по Фракии со своей казной. Мурзуфл, бежавший в апреле 1204 года, пришёл к нему, надеясь на союз, и даже женился на его дочери Евдокии. Но старый император не простил ему узурпации. Он пригласил зятя в баню и там приказал ослепить его. Слепой Мурзуфл бежал, был схвачен латинянами и привезён в Константинополь.

Вожди крестоносцев решили казнить его как убийцу своего государя Алексея IV. Виллардуэн и Робер де Клари рассказывают, что дож Дандоло предложил сбросить пленника с высокой колонны. В центре Константинополя, на площади Тавра, стояла огромная мраморная колонна императора Феодосия, украшенная, как спираль, рельефами с изображениями побед. В ноябре 1204 года Мурзуфла подняли на вершину колонны и сбросили вниз на глазах у всего города. Робер де Клари пишет, что он разбился вдребезги.

Робер де Клари связывает казнь с изображениями на колонне. Среди рельефов, по его словам, были сцены падения императора с колонны и штурма города кораблями. Греки, по его словам, говорили, что на колонне издавна были высечены пророчества о судьбе Константинополя, а значит, гибель императора якобы предсказали заранее. Хронист истолковал это совпадение как знак Божественного предопределения.

Алексея III также ждала тяжёлая участь. Его захватил Бонифаций Монферратский и отправил в заключение. Позже старый император бежал, скитался по разным дворам, побывал у сельджукского султана Конии и уговорил его начать войну с Никеей. В 1211 году Феодор Ласкарь разбил турок, захватил тестя в плен и заключил его в монастырь, где тот и окончил свои дни. Судьбы трёх императоров, правивших Константинополем в 1203–1204 годах, сложились трагически: Алексей IV был убит, Мурзуфл казнён, а Алексей III закончил жизнь в монастыре.

О взятии Константинополя писали не только греки и латиняне. В Новгородской первой летописи под 1204 годом помещена «Повесть о взятии Царьграда фрягами», один из самых ранних и подробных рассказов об этих событиях, написанный по-древнерусски. Автор её неизвестен. Судя по точности деталей, он был очевидцем или записал рассказ очевидца, может быть, русского паломника или купца, оказавшегося в те дни в городе. Высказывалось предположение, что это мог быть новгородец Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Новгорода Антоний, который побывал в Царьграде около 1200 года и оставил описание его святынь, «Книгу паломник». Но надёжных доказательств этого нет.

Рассказ «Повести» удивительно спокоен и обстоятелен. Автор знает о бегстве царевича к «немецкому цесарю», о договоре, о пожарах, о свержении и гибели Алексея IV. Он не скрывает слабости и смуты среди самих греков. Но о разграблении города он говорит со скорбью: фряги взяли «Святую Софию», ободрали двери, разбили алтарь, украшенный драгоценными камнями, похитили сосуды, кресты и иконы, а монастыри и церкви «все пограбиша». В его рассказе нет ненависти к латинянам как к еретикам, он пишет скорее как свидетель беды, постигшей христианский мир. «Повесть» хорошо знают историки, и её текст можно прочесть в изданиях Новгородской летописи и в «Библиотеке литературы Древней Руси».

Робер де Клари не обладал политическим опытом Виллардуэна, зато замечал подробности, ускользавшие от внимания знатных участников похода. Его рассказ о чудесах Константинополя, увиденных после взятия города, остаётся одним из самых живых описаний столицы Византии, оставленных западным человеком. В каждом эпизоде чувствуется его изумление перед богатством и размерами города; он не раз повторяет, что не найдётся на свете того, кто смог бы всё это описать.

Он описывает Большой дворец, где было, по его словам, пятьсот залов, соединённых между собой и украшенных золотыми мозаиками, и тридцать часовен. В одной из них, часовне Богоматери Фаросской, хранились главные святыни империи: два куска Животворящего Креста толщиной в человеческую ногу, наконечник копья, которым пронзили бок Христа, гвозди, сосуд с кровью Христа, туника, терновый венец, кусок одежды Богородицы. Он пишет о храме Святой Софии, о его колоннах из яшмы и порфира, о серебряных светильниках, о главном алтаре из золота и драгоценных камней, о трубе, вделанной в одну из колонн, которая будто бы исцеляла больных, если прислонить к ней больное место.

Один из наиболее обсуждаемых эпизодов его рассказа касается церкви Богоматери Влахернской. Там, пишет Робер, хранилась плащаница, в которую был завёрнут Господь, и каждую пятницу её поднимали стоймя, так что на ней можно было хорошо видеть облик Господа. И никто, добавляет он, ни грек, ни француз, не знал, что стало с этой плащаницей, когда город был взят. Эти слова часто приводят в спорах о происхождении Туринской плащаницы, которая появляется в источниках лишь в середине XIV века во Франции. Но никаких доказательств связи между ними нет, и учёные, датирующие Туринскую плащаницу по-разному, не могут опираться на одну фразу пикардийского рыцаря.

Робер видел и чудеса светские. Он описывает Золотые ворота, украшенные двумя слонами из меди, ипподром, на ступенях которого помещались десятки тысяч зрителей, статуи, которые, как верили, обладали волшебной силой, колонны с вырезанными на них изображениями, где греки будто бы читали предсказания будущего. На одной из них, по его словам, был изображён город, осаждённый с кораблей, и греки с ужасом говорили, что это предсказание о взятии Константинополя людьми с Запада. В рассказе хрониста подобные изображения становились частью объяснения уже произошедших событий.

Биография Никиты Хониата помогает понять его взгляд на события. Он родился около 1155 года в фригийском городе Хоны в Малой Азии, откуда и его прозвище. Его старший брат Михаил стал митрополитом Афин и был одним из самых образованных людей своего времени. Никита учился в Константинополе, служил при дворе нескольких императоров и дослужился до должности великого логофета, главы гражданского управления империи. Он видел вблизи и Андроника, и Ангелов, и знал цену их правлению.

Его «История» охватывает почти девяносто лет, от смерти Алексея I в 1118 году до 1206 года. Язык Хониата сложен и насыщен цитатами из Гомера и Писания, однако литературная форма не заслоняет его оценок современников. Хониат не идеализирует своих соотечественников. Он беспощадно пишет о слабости и распущенности императоров, о жадности чиновников, о легкомыслии константинопольской толпы. Катастрофу 1204 года он считает наказанием, которое ромеи навлекли на себя собственными грехами, хотя и не снимает вины с латинян.

После взятия города Хониат бежал в Никею, к Феодору Ласкарю, и жил там в бедности, без прежнего положения и богатства. Там он продолжал работать над «Историей» и написал небольшой трактат о статуях Константинополя, уничтоженных при взятии города в 1204 году. Он умер около 1217 года. Его книга стала для потомков одним из главных свидетельств о последних десятилетиях Византии до латинского завоевания. Она остаётся одним из основных источников по истории Четвёртого крестового похода.

9 мая 1204 года двенадцать выборщиков собрались во дворце. Главными кандидатами были Бонифаций Монферратский, вождь похода, и граф Балдуин Фландрский. Бонифаций был старше, опытнее и связан родством с византийским двором, а вскоре после взятия города женился на Маргарите, вдове Исаака II, сестре венгерского короля. Но венецианцы опасались сильного императора, чьи земли в Италии соседствовали бы с их владениями. Выборщики назвали Балдуина. 16 мая в храме Святой Софии он был коронован как император Романии, как латиняне называли Византию. Бонифаций получил земли в Македонии и Фессалии с центром в Фессалониках и стал королём Фессалоник.

По условиям договора Константинопольским патриархом стал венецианец Томмазо Морозини. Венеция же взяла себе те земли, которые были важны для её торговли: гавани и острова на пути из Адриатики в Константинополь, Крит, который она купила у Бонифация, часть Пелопоннеса, три восьмых самого Константинополя. Энрико Дандоло умер менее чем через год. Похоронили его в храме Святой Софии, и плита с его именем, по преданию, лежит в галерее собора и сейчас.

Греческий мир не исчез. Знатные византийцы бежали из столицы и основали собственные государства. Зять Алексея III Феодор Ласкарь утвердился в Никее, в Малой Азии, и там сложилась Никейская империя, которая через пятьдесят семь лет вернёт Константинополь. Внуки Андроника Комнина основали на южном берегу Чёрного моря Трапезундскую империю. В Эпире, в западной Греции, утвердился ещё один род, родственный Ангелам. О судьбе латинских владений в Греции, которые называли Латинской Романией, речь пойдёт в следующей главе.

Иннокентий III узнал о взятии Константинополя из письма нового императора Балдуина, написанного в торжественных тонах. Балдуин сообщал, что Бог чудесно передал в руки латинян царство схизматиков и что теперь греческая церковь будет подчинена Риму, а помощь Святой земле станет гораздо легче. Папа поначалу обрадовался. Ему казалось, что раскол между церквами, длившийся полтора века, окончен одним ударом, а в произошедшем увидел волю Провидения.

Вскоре, однако, папа узнал подробности произошедшего. Летом 1205 года Иннокентий написал легату Петру Капуанскому, который самовольно освободил крестоносцев от обета идти в Иерусалим, гневное письмо. В нём папа спрашивает, как греческая церковь может вернуться к единству с Римом, если она видит в латинянах лишь пример погибели и дела тьмы. Ведь те, кто, казалось бы, искал не своего, а Христова, обратили мечи, предназначенные против язычников, против христиан, не пощадили ни веры, ни возраста, ни пола, предавались блуду на глазах у всех, грабили не только царскую казну, но и церкви. Поэтому, отмечает Иннокентий, греки испытывают к латинянам глубокую ненависть. Это письмо свидетельствует о том, насколько тяжёлыми Иннокентий III считал последствия похода для отношений между церквями.

С тех пор историки не перестают спорить, почему крестовый поход, начатый ради Иерусалима, кончился разграблением христианского города. Ответы менялись в зависимости от эпохи и позиции исследователей. Греческие авторы и позднейшая православная традиция видели в случившемся заранее задуманное злодеяние латинян, ненавидевших Византию. Во французской историографии XIX века граф Поль Риан, о котором говорилось в предыдущей главе, обвинял германского короля Филиппа Швабского, а другие исследователи видели главного виновника в Венеции и её слепом доже, якобы с самого начала мечтавшем о мести грекам и о господстве над торговлей Востока.

Многие современные историки склоняются к более сложной картине. Квеллер и Мэдден показывают, как одна неудача вела к другой: ошибка в расчёте численности войска, долг Венеции, Зара, предложение царевича, его неспособность заплатить, переворот Мурзуфла. Каждый шаг казался вождям единственно возможным, и каждый вёл всё дальше от Иерусалима. Британский историк Джонатан Филлипс, автор упоминавшейся в томе II книги о Втором походе, в книге «Четвёртый крестовый поход и разграбление Константинополя» (2004) соглашается с тем, что заговора не было, но подчёркивает, сколько давних обид, предрассудков и расчётов накопилось к 1204 году. Британский византинист Майкл Ангольд в книге «Четвёртый крестовый поход» (2003) показывает, как сами византийцы, их смуты и слабость открыли дорогу катастрофе. Российский историк Михаил Заборов, переводчик Робера де Клари, писал об этих событиях в книге «Крестоносцы на Востоке» (1980).

Как бы историки ни распределяли ответственность, последствия очевидны. Поход не достиг заявленной цели — помощи Святой земле. Лишь немногие из его участников добрались до Акры. Византийская империя утратила столицу и значительную часть прежних владений; даже после возвращения Константинополя в 1261 году восстановить прежнюю мощь ей не удалось. А раскол между православными и католиками, который до 1204 года многим казался спором богословов и иерархов, после разграбления Константинополя привёл к усилению взаимного недоверия между общинами. В 2001 году папа Иоанн Павел II, посетив Афины, попросил прощения у православных за грехи католиков, упомянув и разграбление Константинополя, а в 2004 году, в восьмисотую годовщину событий, повторил эти слова при встрече с Вселенским патриархом Варфоломеем. Через восемь веков память о трёх апрельских днях всё ещё требовала примирения.

Глава 3. Латинская Романия и дети с крестами (1204–1216)

Захват Константинополя ещё не давал латинянам власти над всей Византией. Балдуин был провозглашён императором в завоёванной столице, однако значительная часть византийских земель ему не подчинялась. Для подчинения провинций не хватало войск: многие крестоносцы, получив свою долю добычи, уплыли домой или в Сирию. Отношения с соседями также быстро обострились. Болгарский царь Калоян, сильный и честолюбивый правитель, предлагал союз, но Балдуин высокомерно ответил, что Калоян должен обращаться к нему как к господину, а не как к равному, ибо Болгария когда-то была частью империи. Тогда Калоян заключил союз с греческой знатью Фракии.

Некоторые латинские хронисты изображали Калояна жестоким и коварным противником. В действительности его решения определялись прежде всего интересами Болгарского царства. Его старшие братья, Пётр и Асень, подняли в 1185 году восстание против Византии и восстановили Болгарское царство, павшее за полтора века до того. Чтобы утвердить своё положение, Калоян искал признания не в Константинополе, а в Риме. С 1199 года он переписывался с Иннокентием III, называя себя наследником древних болгарских царей и прося императорской короны. Папа увидел в переговорах возможность расширить церковное влияние Рима на Болгарию.

В ноябре 1204 года, через полгода после взятия Константинополя, в Тырново прибыл папский легат, кардинал Лев. Он помазал Калояна на царство и вручил ему корону, скипетр и знамя с изображением креста и ключей святого Петра. Папский легат мог короновать Калояна лишь как короля, но болгарский правитель продолжал пользоваться титулом царя. Глава болгарской церкви получил титул примаса. Так был оформлен союз Болгарии с Римом.

Сближение Калояна с Римом не помогло ему договориться с латинскими властями Константинополя. Иннокентий III писал Балдуину, что Калоян теперь католический государь и что с ним надо жить в мире. Но латиняне, только что ставшие хозяевами Константинополя, считали болгарские земли частью своей империи и отвергли предложение дружбы. Так противниками оказались правители, каждый из которых поддерживал связи с папским престолом. После смерти Калояна уния Болгарии с Римом постепенно утратила значение. Сам Калоян умер в 1207 году под стенами Фессалоники. Греки верили, что его поразил копьём святой Димитрий, покровитель города, и эта легенда попала на иконы.

Весной 1205 года фракийские греки восстали и перебили латинские гарнизоны. Балдуин с небольшим войском осадил Адрианополь. 14 апреля 1205 года, примерно через год после взятия Константинополя, к городу подошёл Калоян с болгарами и с отрядами половцев, степных кочевников. Половцы применили старый степной приём: притворно бежали и заманили рыцарей в погоню. Латинская конница, увлёкшись, оторвалась от своих, оказалась в окружении и была перебита. Граф Людовик Блуаский погиб, император Балдуин попал в плен. Что с ним стало, никто точно не знает. По словам Никиты Хониата, Калоян приказал отрубить ему руки и ноги и бросить в овраг. Другие рассказы были ещё страшнее. Через несколько лет во Фландрии появился самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося императора, и многие ему верили.

Остатки войска вывели из окружения старый дож и маршал Виллардуэн. Последний командовал арьергардом и несколько дней отступал под натиском половцев к морю. Эти события он описал с редкой для него выразительностью. В июне 1205 года Энрико Дандоло умер. Книга Виллардуэна обрывается на событиях 1207 года, когда в стычке с болгарами погиб Бонифаций Монферратский. Его голову, по рассказу хрониста, отправили Калояну. Из трёх глав-

ных вождей Четвёртого похода через три года после взятия Константинополя не осталось в живых ни одного.

Империю спас брат Балдуина, Генрих Фландрский, участвовавший в столкновениях с войском Мурзуфла. Пока судьба брата оставалась неизвестной, Генрих исполнял обязанности регента, а в августе 1206 года был коронован императором. За десять лет Генрих заметно укрепил пошатнувшуюся Латинскую империю.

Генрих умел не только вести войну, но и договариваться. После столкновений с болгарами он добился мира; война с Никейской империей Феодора Ласкаря также завершилась соглашением о границе. В отличие от брата, он понимал: без греков удержать империю невозможно. Генрих принимал греческих аристократов на службу, предоставлял им земли и должности, сохранял владения греческих монастырей и препятствовал насильственному обращению православных латинским духовенством. Греческий историк XIII века Георгий Акрополит, критически относившийся к латинянам, называет Генриха человеком, который обращался с ромеями как со своими. Когда кардинал-легат попытался закрыть православные церкви в Константинополе и заключить в тюрьму непокорных монахов, император, по словам того же автора, вмешался и прекратил преследования.

Генрих умер в 1216 году в возрасте сорока двух лет. Ходили слухи, что его отравили. После его смерти положение империи вновь ухудшилось. Его преемники всё больше зависели от финансовой и военной помощи западноевропейских государей. Император Балдуин II заложил венецианцам собственного сына, а французскому королю продал терновый венец. В 1261 году войска никейского императора Михаила VIII Палеолога заняли Константинополь почти без боя, и пятидесятисемилетняя история Латинской империи завершилась.

Главным противником латинян на западе Балкан стало греческое государство в Эпире. Его основал Михаил Ангел Дука, родственник свергнутых императоров, а после его гибели в 1215 году власть перешла к брату, Феодору Ангелу Дуке, честолюбивому и деятельному правителю. Феодор начал наступление на земли Фессалоникийского королевства и почти сразу нанёс латинянам страшный удар. После смерти Генриха бароны Константинополя избрали императором его зятя, французского графа Пьера де Куртене. В апреле 1217 года папа Гонорий III короновал его в Риме, но не в соборе Святого Петра, а в церкви за городскими стенами, чтобы не дать повода считать его императором Запада. Пьер высадился на Адриатическом побережье и попытался отбить у эпиротов Диррахий, после чего направился через Албанию к Константинополю. В горах его отряд попал в засаду, и император был взят в плен Феодором. Что с ним стало дальше, неизвестно: он умер в эпирской темнице, так и не увидев своей столицы. Его жена Иоланда, плывшая морем, добралась до Константинополя и правила за мужа, а после её смерти престол перешёл к их сыновьям.

В 1224 году Феодор взял Фессалоники, второй город империи, и короновался там как император ромеев. Теперь у греков было два императора, в Никее и в Фессалониках, и оба соперничали за право вернуть Константинополь. Казалось, что первым это сделает Феодор: его войска стояли уже недалеко от столицы. Но в 1230 году он неосторожно напал на болгарского царя Ивана Асеня II, был разбит при Клокотнице, взят в плен и ослеплён. Эпирское государство после этого быстро ослабело, и главным претендентом на возвращение Константинополя стала Никея.

На другом конце бывших византийских владений, у южного берега Чёрного моря, сложилось ещё одно греческое государство. В апреле 1204 года, ещё до падения Константинополя, братья Алексей и Давид Комнины, внуки свергнутого императора Андроника I, с помощью войска, которое дала им их родственница, грузинская царица Тамара, заняли Трапезунд. Алексей принял императорский титул. Трапезундская империя была небольшой полосой земли между горами и морем, но очень богатой: через её порт шла торговля шёлком и пряностями из Ирана и Средней Азии. Государство «великих Комнинов» просуществовало дольше других

владений, возникших после распада Византии в 1204 году. Трапезунд пал под ударами турок лишь в 1461 году, через восемь лет после Константинополя. Крестоносцев здесь почти никогда не видели, но и само появление этой империи было следствием той же катастрофы 1204 года.

Завоеватели стремились не только управлять Константинополем, но и подчинить местную церковь Риму. По их представлениям, переход города под власть латинян должен был сопровождаться признанием папского первенства. Патриарх-венецианец Томмазо Морозини требовал от греческого духовенства присяги на верность и поминовения папы за литургией. Большинство греческих епископов отказались и бежали в Никею или Эпир. Монастыри, сохранявшие верность православию, лишались имущества.

Особенно тяжёлым для греков было пребывание в Константинополе кардинала Пелагия, впоследствии руководившего осадой Дамиетты. В 1213 году он прибыл в столицу как папский легат и решил силой добиться подчинения. По рассказу греческих авторов, он приказал закрывать православные церкви, а монахов и священников, отказывавшихся признать папу, сажать в тюрьму. В ответ на недовольство горожан император Генрих вмешался и распорядился вновь открыть храмы.

До нас дошли записи нескольких диспутов между латинскими и греческими богословами. Греческую сторону представлял Николай Месарит, учёный клирик, позже митрополит Эфеса. Предметом споров были первенство папы, исхождение Святого Духа и использование пресного или квасного хлеба при причастии. Месарит, по собственному рассказу, отвечал латинянам остроумно и с достоинством. Но спорившие говорили на разных языках не только в буквальном смысле. Для латинян вопрос был решён самим фактом завоевания, а для греков завоевание было именно тем, что делало унию невозможной. После 1204 года в глазах большинства православных подчинение Риму стало означать предательство своего народа.

Судьба императора Балдуина, взятого в плен при Адрианополе, долго оставалась тайной, и эта тайна породила одну из самых странных историй XIII века. В 1225 году, через двадцать лет после битвы, во Фландрии появился седой отшельник, живший в лесу. Скоро пошли слухи, что это сам император Балдуин, чудом бежавший из болгарского плена и скитавшийся двадцать лет в покаянии. Отшельник поначалу отрицал это, потом согласился.

Фландрией в это время правила дочь Балдуина, графиня Жанна, непопулярная у горожан и части знати. Многие города и рыцари признали «Балдуина» своим государем. Он раздавал грамоты, посвящал в рыцари, въезжал в города под звон колоколов. Английский король Генрих III вёл с ним переписку как с законным правителем, надеясь найти союзника против Франции. Но графиня обратилась к французскому королю Людовику VIII. Тот пригласил «Балдуина» к себе в Перон и задал ему несколько вопросов, на которые настоящий Балдуин не мог не знать ответа: где и кем он был посвящён в рыцари, где женился. Самозванец не смог ответить. Он бежал, был схвачен и казнён в Лилле в 1225 году. Выяснилось, что это был бродяга из Шампани по имени Бертран из Рэ, когда-то, по-видимому, служивший в Константинополе и знавший многое о Балдуине. Но в народе ещё долго говорили, что графиня погубила собственного отца.

Слухи о возвращении Балдуина показывают, что обстоятельства его исчезновения продолжали волновать жителей Фландрии. Император, коронованный в Святой Софии и вскоре исчезнувший в плену, превратился в героя народной легенды, подобно легендарным королям, которые не умерли, а лишь ожидают своего возвращения.

Гораздо дольше продержались латинские княжества в собственно Греции. Бонифаций Монферратский, став королём Фессалоник, раздал соратникам земли к югу от города. Бургундский рыцарь Оттон де Ларош получил Афины и Фивы, и его потомки правили Афинским герцогством до начала XIV века. Парфенон, ещё в ранневизантийскую эпоху превращённый в христианский храм Богородицы, стал католическим собором Нотр-Дам д’Атен, Афинской Богоматери. Так греческая святыня древности на целый век стала латинской церковью с латинским епископом.

Особое место среди латинских государств занимало княжество Ахайя на Пелопоннесе, который франки называли Мореей. Его создали два рыцаря, шампанец Гильом де Шамплит и племянник маршала, Жоффруа де Виллардуэн, с небольшим отрядом. Потомки Виллардуэна правили Мореей почти сто лет. При них княжеский двор, по словам современников, стал одним из самых блестящих рыцарских дворов Европы. Говорили, что французский язык при дворе князей Ахайи был чище, чем в Париже, и что знатные юноши со всего Запада приезжали сюда учиться рыцарскому обхождению. Князья строили замки, которые до сих пор стоят по всему полуострову: Хлемуци, Каритену, Мистру. Последняя, построенная в 1249 году, станет позже, когда её отвоюют византийцы, одним из главных центров поздней византийской культуры.

Об устройстве франкских владений повествует «Хроника Мореи», сохранившаяся в греческой, французской, арагонской и итальянской версиях. Её греческая версия, созданная, по-видимому, автором франко-греческого происхождения, проникнута неприязнью к «ромеям», но изложена живым народным языком. Разные языковые версии хроники отражают тесное переплетение двух культур. Франки Мореи женились на гречанках, их дети говорили на обоих языках, а местная греческая знать, архонты, служила латинским князьям и сохраняла свои земли. Законы княжеств, «Ассизы Романии», во многом подражали обычаям Иерусалимского королевства.

Завоевание принесло в Грецию и латинских монахов. Цистерцианцы, к ордену которых принадлежал Бернард Клервоский, получили знаменитый монастырь Дафни под Афинами, с его византийскими мозаиками XI века, и жили там больше двухсот лет. Латинские епископы заняли кафедры Афин, Коринфа, Патр, Фив. Греческое духовенство в лучшем случае терпели, в худшем изгоняли. Святая Гора Афон, монашеская республика на полуострове в Македонии, оказалась под властью короля Фессалоник, и монахи, по их собственным позднейшим жалобам, страдали от поборов и притеснений. Папа Иннокентий III даже взял Афон под своё покровительство, но это мало помогало.

Глубже всего эту перемену пережил человек, о котором уже говорилось: митрополит Афинский Михаил Хониат, брат историка Никиты. Он больше двадцати лет прожил в Афинах, пытаясь, по его собственным словам, учить грамоте и благочестию паству, которая давно забыла Перикла и Платона. Когда в 1204 году к Афинам подошло войско Бонифация Монферратского, митрополит отказался подчиниться латинянам и ушёл в изгнание. Последние годы он провёл на маленьком острове Кеос, недалеко от Аттики, откуда, по его словам, мог видеть берег своей бывшей епархии. Его письма из изгнания, полные тоски по книгам и друзьям, по разграбленной библиотеке и по городу, которому он отдал жизнь, принадлежат к самым трогательным текстам византийской литературы.

Из бывших византийских владений Венеция стремилась получить прежде всего гавани и острова, обеспечивавшие торговые пути на Восток. Самым ценным приобретением стал Крит, который венецианцы купили у Бонифация Монферратского за тысячу марок, а затем несколько лет отвоёвывали у генуэзцев. Они владели островом четыре с половиной века, до 1669 года. Венецианские колонисты получали здесь земли, а местная греческая знать много раз поднимала восстания. На Эвбее, которую латиняне называли Негропонтом, в Модоне и Короне на юге Пелопоннеса, на островах Эгейского моря выросли венецианские крепости и фактории. Венецианские семьи основали на Кикладах собственные маленькие государства, в том числе герцогство Наксос.

Венецианцы устроили на Крите крупное заморское владение с собственной системой управления. В 1211 году на остров отправились первые переселенцы. Остров разделили на шесть частей, по числу шести районов самой Венеции, и раздали венецианским дворянам и простым горожанам наделы двух видов: рыцарские, за которые полагалось нести конную службу, и меньшие, сержантские. Управлял островом герцог, присылаемый из Венеции на

два года. Греческая знать, архонты, лишилась большей части земель и много раз восставала. Одни восстания подавляли силой, другие кончались договорами, по которым архонты получали назад часть владений и привилегии. Самое долгое из них, восстание Алексея Каллерги, длилось почти двадцать лет и закончилось в 1299 году миром, по которому Каллерги стал одним из первых людей острова.

Со временем между венецианскими поселенцами и греческим населением Крита установились тесные семейные и культурные связи. Колонисты брали жён из греческих семей, говорили по-гречески, крестили детей в православных церквях, хотя это и было запрещено. В 1363 году случилось то, чего Венеция не ожидала: против неё восстали сами венецианские колонисты, недовольные налогами, и к ним присоединились греки. Мятежники провозгласили остров независимой республикой Святого Тита, по имени покровителя Крита. Венеция подавила восстание с помощью наёмников, а папа Урбан V объявил против мятежников крестовый поход, обещая участникам те же отпущения, что и идущим в Святую землю. Так крестоносное оружие, созданное для войны с мусульманами, обратилось против латинян, выступивших вместе с греками.

Самым живучим из этих островных государств оказалось герцогство Архипелага. Его основал Марко Санудо, племянник дожа Энрико Дандоло, участник Четвёртого похода. Около 1207 года он на собственные средства снарядил несколько галер, собрал отряд искателей удачи и захватил Наксос и соседние Киклады. Своих спутников он наделил островами как ленами: одному достался Андрос, другому Санторин, третьему Милос. Себя Марко признал вассалом латинского императора, а не Венеции, и это позволяло ему держаться независимо от родного города.

Наксосские герцоги правили на Кикладах больше трёх с половиной веков, дольше, чем любое другое государство, созданное крестоносцами. Они строили на холмах над гаванями замки, вокруг которых теснились дома горожан, и венецианские и генуэзские купцы заходили в их порты. Островитяне в большинстве оставались православными, но рядом с греческими храмами появились католические, и на некоторых островах католические общины живут до сих пор. Конец герцогству положили турки, которые в 1566 году окончательно присоединили Наксос к Османской империи.

Российский историк Сергей Карпов в книге «Латинская Романия» (2000) подробно разбирает, как была устроена эта сложная система. Она держалась не столько на военной силе, сколько на торговле: Венеция и Генуя превращали бывшие византийские земли в цепь портов, связывавших Италию с Чёрным морем и Левантом. Для местных греков латинское господство было тяжёлым, особенно в делах веры. Католическое духовенство заменило православных епископов, а греческие священники должны были подчиняться латинским иерархам. Но в повседневной жизни, в деревнях и на рынках, старый уклад во многом сохранился.

Для дальнейших крестовых походов последствия оказались противоречивыми. С одной стороны, латинские владения в Греции, как и Кипр, стали новыми опорами Запада на Востоке, перевалочными пунктами на морском пути в Сирию. С другой стороны, они сами нуждались в защите, и папы впоследствии не раз объявляли крестовые походы ради помощи Латинской империи, отвлекая на неё людей и деньги, предназначенные для Святой земли.

Ещё одним латинским государством, родившимся из крестовых походов, был Кипр. Ричард Львиное Сердце, как рассказывалось в томе II, захватил остров в 1191 году, продал его тамплиерам, а затем передал Гвидо де Лузиньяну. Брат и наследник Гвидо, Амори, в 1197 году получил от германского императора Генриха VI королевский титул, и Кипр стал королевством. Лузиньяны правили им почти триста лет, до 1489 года, когда остров перешёл к Венеции.

Кипр стал важнейшей тыловой базой франкских владений на Востоке. Сюда бежали франки после поражений, здесь сосредоточивались крестоносные войска, в том числе армия Людовика IX в 1248 году, отсюда шли в Сирию подкрепления и продовольствие. Остров был

богат: здесь выращивали сахарный тростник, хлопок, виноград, а порт Фамагуста после падения Акры стал одним из главных рынков Средиземноморья.

Как и в Греции, население острова оставалось в основном греческим и православным, а правящий слой был латинским. Короли раздали земли франкским рыцарям, учредили латинскую церковь с архиепископом в Никосии. Готический собор Святой Софии в Никосии, начатый около 1209 года, и собор Святого Николая в Фамагусте, похожий на соборы Северной Франции, стоят до сих пор, хотя давно превращены в мечети. Греческие епископы были подчинены латинским, и это вызывало постоянные трения. В 1231 году тринадцать греческих монахов монастыря Кантара отказались признать латинский обычай причащения пресным хлебом и после долгого заключения были сожжены как еретики. Православная церковь чтит их как мучеников.

Отношения двух церквей на острове бывали и трагическими. В 1231 году в Никосии сожгли тринадцать греческих монахов из монастыря Кантара. Спор начался с вопроса, который сегодня кажется отвлечённым: на каком хлебе совершать причастие. Латиняне служили на пресном, греки на квасном, и каждая сторона считала обычай другой ошибкой. Монахи Кантары в споре с латинскими братьями-проповедниками открыто назвали латинский обряд ересью и отказались отречься от своих слов. Их держали в тюрьме около трёх лет, а затем, по решению латинских церковных властей, одобренному папой, предали казни как еретиков.

Для греков Кипра монахи Кантары стали мучениками, и их память почитается православной церковью до сих пор. Для латинской церкви эта история скоро стала неудобной. Позднее отношения на острове смягчились: греческие епископы, хотя и подчинённые латинским, продолжали служить по своему обряду, а простые люди разных общин ходили в одни и те же святые места. Но казнь 1231 года показывает, что за внешним спокойствием латинского Кипра скрывалась глубокая обида, и что обрядовые различия, о которых спорили богословы, для людей того времени были вопросом жизни и смерти.

Со временем, как и в Морее, латинские и греческие традиции всё теснее переплетались. Франкские сеньоры говорили по-гречески, браки становились обычным делом, а при дворе королей в Никосии сохранялась пышность, которой славился когда-то Иерусалим. Кипрская знать хранила законы Иерусалимского королевства, и юристы Кипра и Акры, о которых пойдёт речь в пятой главе, записали обычаи королевства, к тому времени уже потерявшего почти всю свою землю.

Между тем Святая земля, ради которой начинался поход, осталась в стороне от этих событий. Франки Сирии с горечью наблюдали, как великий поход прошёл мимо них. Лишь немногие крестоносцы, в том числе отряд Симона де Монфора и те, кто отплыл из Марселя и Фландрии, добрались до Акры. Они затеяли было набеги на мусульманские земли, но мало чего добились, а многие умерли от болезней. Хуже того, после взятия Константинополя часть франкских рыцарей Сирии, надеясь на лёгкую добычу и богатые лены, уехала в Грецию. Латинская Романия не помогла Святой земле, а оттянула у неё людей.

Король Амори II, правивший Иерусалимом и Кипром, понимал, что у королевства нет сил для войны, и вёл с аль-Адилем переговоры. В 1204 году был заключён мир на шесть лет. Франки даже получили назад Яффу, Рамлу и Назарет, а паломники могли беспрепятственно посещать Иерусалим. Аль-Адиль, державший в руках и Египет, и Сирию, ценил торговлю с итальянцами и не стремился к войне. Для франков это были годы передышки.

В 1205 году Амори II умер, вскоре за ним умерла королева Изабелла. Короны Иерусалима и Кипра разделились. Иерусалим унаследовала старшая дочь Изабеллы от брака с Конрадом Монферратским, тринадцатилетняя Мария, прозванная Маркизой. Регентом стал её дядя Жан Ибелин, сеньор Бейрута, сын Балиана, защищавшего Иерусалим в 1187 году. Его называли Старым сеньором Бейрута. Он перестроил свой бейрутский дворец с такой роскошью, что немецкий паломник Вильбранд Ольденбургский, видевший его в 1212 году, оставил вос-

торженное описание его мозаик, мраморных полов, имитировавших морскую рябь, и фонтана посреди зала.

Королеве нужен был муж, который мог бы воевать и править. Бароны попросили французского короля прислать жениха, и Филипп Август выбрал Жана де Бриенна, шампанского рыцаря лет сорока, опытного, небогатого и знатного лишь по роду. В 1210 году он прибыл в Акру и женился на Марии. Через два года королева умерла, оставив новорождённую дочь Изабеллу, которую обычно называют Иоландой. Жан стал регентом при дочери. Именно ему предстояло принять войско, собранное по призыву Латеранского собора.

Пока франки делили Грецию, византийцы не смирились с поражением. Самым сильным из греческих государств, возникших на обломках империи, стала Никейская империя в западной Малой Азии. Её основатель, Феодор Ласкарь, был зятем бежавшего Алексея III и одним из немногих, кто пытался организовать оборону Константинополя в апреле 1204 года. Переправившись через пролив, он объединил вокруг себя изгнанников, знать и духовенство. В 1208 году новый православный патриарх, избранный в Никее, короновал его императором. Так в Никее оказались и император, и патриарх, и для большинства православных именно Никея, а не латинский Константинополь, стала законной наследницей Византии.

Никейская империя располагала сравнительно ограниченной территорией, но сумела укрепить государственные институты и хозяйство. Её правители, прежде всего Иоанн III Ватац, преемник Феодора, правивший более тридцати лет, поощряли земледелие, торговлю и учёность, копили казну, строили крепости. Здесь собирались учёные и богословы, сохранявшие греческую образованность. Иоанна Ватаца православная церковь позже почитала как святого, называя его Милостивым.

Об Иоанне Ватаце рассказывали примечательные истории. Он, по словам историков, сам вёл хозяйство на своих землях, разводил кур и продавал яйца, а на вырученные деньги купил жене корону, украшенную жемчугом и драгоценными камнями, которую называли «яичной». Он призывал подданных отказаться от дорогих привозных тканей и носить одежду местного производства. Казна при нём наполнилась, а подданные, рассказывают, не голодали даже в неурожайные годы, потому что в каждой области стояли государственные житницы. После смерти Ватаца в 1254 году его почитали как святого, Иоанна Милостивого, и в Малой Азии ещё долго ходили к его гробнице. Именно это хозяйственное государство, а не великие сражения, дало Никее силы, которые позволят ей через семь лет после его смерти вернуть Константинополь.

Никейская империя стала главным соперником Латинской империи и в 1261 году восстановила византийскую власть в Константинополе. После распада Византии путь из Европы в Сирию проходил через земли нескольких соперничавших между собой греческих и латинских государств. Сухопутный маршрут, использовавшийся во время Первого и Второго походов, стал значительно труднее. Отныне крестоносцы почти всегда плыли на Восток морем.

Пока на Востоке строили Латинскую Романию, сама идея крестового похода на Западе менялась. Иннокентий III, разочарованный Четвёртым походом, не отказался от своих замыслов, но всё чаще направлял крестоносцев не только к Иерусалиму. В 1208 году на юге Франции, в Лангедоке, был убит папский легат Пьер де Кастельно, посланный бороться с ересью катаров, или альбигойцев, широко распространённой в этих землях. Папа объявил крестовый поход против еретиков и их покровителя, графа Тулузского Раймунда VI, правнука того самого Раймунда Сен-Жильского, который вёл провансальцев в Первом походе.

Участники этого похода получали те же духовные привилегии, что и участники походов на Восток, причём обязательный срок службы составлял всего сорок дней, а пересекать море не требовалось. Во главе войска вскоре встал Симон де Монфор, тот самый, что отказался воевать под Зарой, о чём говорилось в первой главе. Война длилась двадцать лет, сопровождалась страшными жестокостями и изменила судьбу всего юга Франции. Подробно о ней, как

и о крестовых походах в Испании и Прибалтике, рассказывает том IV серии. Главное здесь в другом: к 1210-м годам крестовый поход стал средством борьбы, которое папство применяло как против внешних, так и против внутренних противников Церкви. Многие современники, особенно на Востоке, с горечью замечали, что силы, которых так не хватало Святой земле, уходят на войны в Европе.

Весной 1212 года, в разгар альбигойской войны, на Западе началось массовое движение без прямого участия папства и королевских дворов. Во Франции и в Германии многочисленные группы подростков и молодых людей, среди которых были пастухи, батраки и бедняки, отправились в путь с крестами и знамёнами, объявив, что идут освобождать Святую землю. Позднее это движение получило название Детского крестового похода.

Сведения об этом движении отрывочны. Во Франции, по сообщениям хронистов, в мае или июне 1212 года юный пастух по имени Стефан из деревни Клуа близ Вандома объявил, что получил от Христа письмо к королю. Вокруг него собралась толпа, которая пришла в Сен-Дени, где, согласно хроникам, Стефану приписывали чудеса. Король Филипп Август, посоветовавшись с парижскими богословами, велел толпе разойтись по домам. Больше о французском движении почти ничего не известно.

Лучше засвидетельствовано движение в Германии. Летом 1212 года мальчик или юноша по имени Николай из Кёльнской земли повёл за собой большую толпу через Альпы в Италию. Согласно хронистам, Николай обещал, что море расступится перед паломниками, как перед Моисеем, и они достигнут Иерусалима по суше, чтобы обратить мусульман проповедью, а не оружием. Хронисты пишут о тысячах людей, среди которых были и взрослые, и даже женщины. Многие умерли в горах от голода и холода. Те, кто дошёл до Генуи и других итальянских портов, увидели, что море не расступилось. Участники движения разошлись. Часть осталась в Италии, часть пошла в Рим, где папа, по рассказам, освободил их от обета, кроме тех, кто достиг совершеннолетия. Другие отправились домой. По свидетельствам хронистов, оборванных и голодных путников встречали насмешками.

Один из самых известных сюжетов возник в позднейших свидетельствах. Французский хронист Альберик из Труа-Фонтен, писавший около 1240 года, рассказывает, что двое купцов из Марселя, Гуго Железный и Гильом Свинья, будто бы предложили детям даром перевезти их за море, а затем продали их в рабство в Египте, и что многие из них были замучены за отказ отречься от веры. Через восемнадцать лет, по его словам, один из уцелевших вернулся и всё рассказал. Альберик приводит множество подробностей, однако записал эту историю примерно через три десятилетия после событий. Независимых подтверждений её основных эпизодов нет, поэтому исследователи оценивают сообщение с осторожностью.

Кем на самом деле были эти «дети»? Латинское слово pueri, которым их называют хронисты, означало не только детей, но и вообще юношей, а также слуг и людей низкого положения. Нидерландский историк Петер Рэдтс в известной статье (1977) и американский историк Гэри Диксон в книге «Детский крестовый поход: средневековая история, современный мифоисторический рассказ» (2008) показали, что речь шла скорее о бедной молодёжи, батраках и пастухах, людях, не имевших устойчивого положения в обществе, для которых крест был способом отозваться на проповедь, обращённую прежде всего к рыцарям. По своему характеру движение было ближе к паломничеству и покаянному шествию, чем к военной экспедиции. Многие подробности, к которым мы привыкли, родились позже, в легендах и в литературе. Иногда с этими событиями связывают даже немецкую сказку о гамельнском крысолове, уводящем детей из города, хотя прямой связи между ними нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.